

М. Ю. Лермонтов. Два брата

OCR Pirat, July 2004.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

(Дмитрий Петрович в креслах; Юрий возле него на стуле Александр в стороне стоит у стола и перебирает бумаги.)

Дмитр. Петров. Я думал, Юрий, что тебя совсем ко мне не отпустят; признаюсь, умереть, не выдавши тебя, было бы грустно – я стар, слаб – много жил, иногда слишком весело, иногда слишком печально... и теперь чувствую, что скоро бог призовет меня к себе – даже нынче, когда мне объявили о твоём приезде, то старость напомнила о себе... не знаю, как перенес я эту последнюю радость.

Юрий. Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не так слабы, как говорите.

Дм. Петр. А что мудреного?... Александр, скажи-ка, уж не в самом ли деле я помолодел с тех пор, как он приехал.

Александр. Точно – вы никогда со мною не были так веселы, как теперь с братом.

Дм. Петр. Не пеняй, брат, не пеняй – ведь я с тобой всегда, а его сколько лет не видал – (целует его) ты, Юрий, точно портрет твоей покойной матери.

Александр. Да вот уж четыре года, как брат не был дома... и сам он много переменялся, и здесь в Москве все, кроме нас, переменялось... я думаю, он не узнает княгиню Веру.

Юрий. Какая княгиня!..

Дм. Петр. Разве не знаешь!.. Веринька Загорскина вышла за князя Лиговского! твоя прежняя московская страсть.

Юрий. А! так она вышла замуж, и за князя?

Дм. Петр. Как же, 3000 душ и человек пречестный, предобрый, они у нас нанимают бель-этаж, и сегодня я их звал обедать.

Юрий. Князь! и 3000 душ! – а есть ли у него своя в придачу.

Дм. Петр. Он человек пречестный и жену обожает, старается ей угодить во всем, только пожелай она чего, на другой же день явится у ней на столе... все ее родные говорят, что она счастлива как нельзя более.

Александр. Батюшка, что прикажете делать с этими бумагами?

Дм. Петр. После – до бумаг ли мне теперь. –

Юрий. Признаюсь... я думал прежде, что сердце ее не продажно... теперь вижу, что оно стоило несколько сот тысяч дохода.

Дм. Петр. Ох вы, молодые люди! а ведь сам чувствуешь, что она поступила бы безрассудно, если б надеялась на ребяческую твою склонность.

Юрий. А! она сделалась рассудительна.

Александр (в некотором волнении). Батюшка! поверенный ждет... нужно.

Дм. Петр. А теперь, когда она вышла замуж... твое самолюбие тронута – тебе досадно, что она счастлива – это дурно.

Юрий. Она не может быть счастлива.

Александр (прерывая). Батюшка... позвольте... очень нужное дело; (в сторону) неужели этот разговор никогда не кончится!

Дм. Петр. Я сказал тебе, что после... ты вечно с делами, ведь видишь, что я говорю серьезно – нет, Юрий, это нехорошо... впрочем ты сам увидишь, как она любит мужа.

Юрий. Не может быть.

Дм. Петр. Все ее родные говорят и она сама.

Юрий. А я говорю вам, батюшка, что я понаслышке уж имею понятие о том, что такое князь... Она любить его не может.

Александр. Она его любит – страстно.

Дм. Петр. Ну, братец, ты об этом судить не можешь; (Юрию) Он так холоден, так рассудителен, что, право, я часто желал бы лучше, чтоб он был вспыльчив и ветрен... Вот уж можно держать пари, что никогда не влюбится... и не наделает глупостей.

Александр. Я осторожен, батюшка, берегу других и себя.